

ВІСТІ.

ПОДОЛЬ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА.

III.

Въ *Говорахъ* я знакомился со всѣми селами говорскаго имѣнія графа И. С — го, — молодаго человѣка, почти только-что вышедшаго изъ аудиторіи лица и уже знакомаго съ европейскими улицами, какъ я знакомъ съ моими осламовскими, слѣдовательно, я не безъ причины вѣзжалъ во дворъ говорскаго палаца въ самомъ веселомъ расположеніи духа. И дѣйствительно, громады встрѣтили меня съ тѣмъ спокойнымъ видомъ, который уже показывалъ, что собрались они только на выборы. Одно мнѣ странно—съ самого начала,—это то, что помѣщика нисколько не интересовалъ этотъ первый актъ жизни громадъ, какъ обществъ съ правами гражданскими,—тѣмъ болѣе казалось это страннымъ, что молодой человѣкъ, какъ мнѣ извѣстно, жестоко скучалъ въ своемъ дворцѣ, занимаясь, въ одиночествѣ, постояннымъ *far niente*. Выписываетъ онъ «Patrie», но и эта единственная собесѣдница пріѣзжаетъ изъ Парижа для того, чтобы не оставался говорскій дворецъ совѣмъ безъ журнала: зрѣніе графа такъ слабо, что ему рѣшительно не до чтенія. Чтецы?.. но графъ, вѣроятно, не напалъ еще на мысль обратиться къ чтецамъ.

При графѣ живетъ докторъ его большаго родственника. Г. Яблоновскому, хотя и совершенно постороннему человѣку, показалось любопытнымъ—присутствовать при крестьянскихъ выборахъ и послушать ихъ первую со мной бесѣду о преобразованіяхъ. Мы пошли съ громадами въ садъ и тамъ выбрали самое тѣнистое мѣсто. Вступительная моя рѣчь была прослушана съ большимъ вниманіемъ. На нѣкото-

рия мысли громада и здѣсь отзывалась одобрительнымъ гуломъ. Когда же рѣчь дошла до значенія старосты, его правъ и обязанностей и громада услышала, что должно принять на себя исполненіе повинностей челоуѣка, служащаго больше всего интересу помѣщика,—взрывъ негодованія выразился цѣлымъ потокомъ рѣзкихъ словъ, который полился изъ толпы, стоявшей до того времени въ молчаніи. Въ этомъ шумѣ уже слышалось мнѣ знакомое: «не треба намъ старости! то не треба старости!»

— Чикайте, громадо! не шуміть, не голосіть!.. дайте міні розтолковать діло!

И принялся я толковать, убѣждать и спорить. Долго, болѣе часу, шло у насъ самое горячее преніе.

— Я самъ розумію, люди добріі, що служба старости, поки ви на паньщині, виходить службою більшъ на пана якъ на громаду, и якъ попросите графа, щобъ вінъ подарувавъ старостамъ ихъ паньщину, то, здаеця міні, не повиненъ би вінъ одмовити вамъ въ тимъ. Але, громадо, треба просити. Ходімъ до графа,—и я разомъ зъ вами буду просити.

— «О! якъ пана, то заразъ и просити, а громаду такъ ніколі, не въ чимъ, не просять,—змушують до всѣго.

— Ні, люди добрі, не для того будемо просити пана, що вінъ панъ, а для того, що на сей разъ хочетця вамъ минути ёго право, а минути ёго право можно тоді, коли вінъ самъ на тое добровольне пристане. Якъ що и панъ потребуе такого, на що не дае ему законъ права, але на що ви можете згодитись, то тоді и вінъ буде васъ просить и я буду помогати ёму, буду просить васъ—якъ теперъ буду разомъ зъ вами ёго просити.

— «Ні, ми просити ёго не будемъ. На тое ви, ясний пане, начальникъ, щоби робити якісь роспорядокъ... Ми удаємося до васъ, просимо васъ, а ви вже прикажіть, щобъ було по—справедливости.

— Якъ панъ вашъ не схоче пристати на що-небудь таке, на що ви маєте право по закону, то тоді удайтеся до мене и я запотрібую відъ пана якъ—слідъ по закону, и не буду ёго просити, не буду навіть питатись, чи ёму добре съ тимъ, чи ні. Бо я приставленъ до закона и мушу дбати объ тимъ, щобъ усякій законъ бувъ ушанованъ. Такъ и теперъ: якъ ви упретесь и не схочете відробити паньщину за старостівъ, то панъ удастця до мене и я повиненъ буду змусити васъ сповнитъ законъ. Законъ не говорить, щобъ паньщина старо-

сти пропадала, а я знаю, що самому старостові не буде часу її відбувати; та й не годитця ему, старшому чоловікові, виходити на панську роботу нарівні з якимсь-небудь хлопцем. Коли казенні повинности старостови громада мусить, по закону, прийняти на себе, то повинна прийняти и ёго паньщину, поки тая паньщина не подарована паномъ. А хочете, щобъ вона була подарована:—просіть. Най кожна громада вибере заразъ по три депутати; я, разомъ зъ сими вашими виборцями, піду до графа и ми, якъ тамъ вінъ собі хоче, а випросимо—таки, щобъ вінъ подарувавъ старостамъ паньщину».

Но громады никакъ не соглашались на мое предложеніе. Долго всѣ мои доводи были пустою тратою словъ. Я видѣль, что нѣтъ тутъ никакого недоразумѣня, а просто крестіянне не хотять *просить* о томъ, что имъ казалось слѣдуетъ по справедливости сдѣлать безъ просьбы. Наконецъ кое-какъ поборолъ я упорство и щекотливость громады. Депутація составила и пошла вмѣстѣ со мною ко дворцу. Я прибавилъ шагу, отдѣлился отъ депутатовъ и пошелъ одинъ въ комнаты помѣщика. Хотѣлось мнѣ предупредить его, представити ему всю опасность отказа въ такомъ маломъ, пустомъ для него дѣлѣ. Главнымъ образомъ я боялся за ту громаду, для которой выборы я отложилъ до другого дня по той причинѣ, что на сходъ явилось меньше половины всѣхъ хозяевъ.

Обѣжалъ я всѣ комнаты,—нѣтъ нигдѣ помѣщика. Возвращаюсь назадъ,—встрѣчаю одного изъ лакеевъ.

— Гдѣ графъ?

— Графъ кажется здѣсь...

— Тутъ нѣтъ его нигдѣ. Пожалуйста, поищите. Скажите, что я хочу его видѣть.

Лакей бросился въ одну сторону, потомъ въ другую; наконецъ побѣжалъ на верхъ по неизвѣстной мнѣ лѣстницѣ. Возвратившись назадъ, объявилъ мнѣ, что графъ наверху,—сейчасъ придетъ.

Съ полчаса я походилъ, възадъ и впередъ, по комнатахъ. Нѣтъ его сіятельства.

— Подите, пожалуста, къ графу,—скажете, что я и громада просимъ его сюда на нѣсколько минутъ,—сказалъ я снова лакею.

И опять прождалъ я съ четверть часа. Потерявъ наконецъ терпѣнье, я попросилъ провести меня наверхъ.

Засталъ я графа занятого разборомъ хлама, который когда-то представлялъ собою бібліотеку.

— А я здѣсь вожусь все съ книгами,—заговорилъ графъ идя ко мнѣ на встрѣчу:—хочу привести ихъ въ какой-нибудь порядокъ. Право, есть нѣкоторыя книги довольно интересныя.

Обидѣться я не могъ: голосъ, взглядъ, движенія хозяина были таковы, что я считалъ себя достаточно отомщеннымъ.

— Васъ ждетъ депутація крестьянъ,—сказалъ я улыбаясь:—она хочетъ просить васъ, графъ, объ одной маленькой уступкѣ.

Лицо помѣщика выразило еще большее безпокойство.

— Считаю нужнымъ предупредить васъ, графъ, рассказать вамъ, какимъ образомъ они пришли къ мысли просить васъ.

Я наскоро рассказалъ, въ какомъ громада была волненіи и какъ трудно было мнѣ уговорить ее идти просить. Наконецъ, представляя необходимость этой маленькой уступки, я прибавилъ:

— Если вы, графъ, откажете имъ, то очень можетъ быть они откажутся отъ старостъ и мы изъ-за такой бездѣлицы будемъ имѣть большія хлопоты. Въ Пилиповцахъ самый выборъ старосты придется дѣлать съ помощью полиціи. Къ тому же, надо вамъ сказать, въ другихъ селахъ помѣщики почти вездѣ отказываются отъ панщины за старосту. Да и въ самомъ дѣлѣ, старостѣ столько придется бѣгать, хлопотать изъ-за вашего интереса, что не грѣхъ бы было... сдѣлать ему что-нибудь. Если потомъ, когда уже станетъ онъ исправлять свою должность, захотите вы подарить ему что-нибудь,—подарокъ вашъ можетъ показаться взяткой... теперь же, отказываясь отъ его барщины, вы дарите ее громадѣ, а, главное, дѣлаете то, о чемъ васъ просятъ.

Графъ, улыбаясь и поправляя рукою волоса, проговорилъ:

— Чтожь, надо подарить... придется подарить.

— Пойдемте же.

— Идемъ.

Мы сошли въ низъ.

На дворѣ передъ крыльцемъ стояла полукругомъ депутація всѣхъ селъ, но за депутаціей, тоже полукружіемъ, стояла уже и громада всѣхъ селъ.

Началась сцена довольно забавная. Помѣщикъ, поздоровавшись съ громадою и какъ бы не зная, что передъ нимъ стоитъ депутація, ожидавшая его выхода, сталъ спрашивать (разумѣется, по-польски) о томъ и о сѣмъ.

— Кого выбрала *Говорская* громада?

— Михайла Копаньчука, ясный пане.

— А! это тотъ, что *сидитъ* тамъ, на горѣ, возлѣ того... какъ его...

— Ні, вельможный графе: ёго хата тутечки въ улиці, що заразъ за корчмою.

— А! знаю, знаю.

Депутація, отвѣсивъ поклонъ, начала-было говорить свое.

— А *забаразновецкіе* кого выбрали?—прервалъ графъ.

— Игната Подлісного. .

— Ага, знаю:—это тотъ, что недавно перестроилъ хату.

— Ні, вельможный графе:—я не перекладавъ ще хати.

— Какъ же это! помнится мнѣ...

— То, мабуть, вельможный графъ думаютъ про того, що...

— А *браиловскіе* кого выбрали?

— Мене, вельможный графе!

— А!—ну, поздравляю, поздравляю тебя...

Депутація, пользуясь минутой молчанія, снова отвѣсила поклонъ и на этотъ разъ успѣла—таки проговорить половину своей короткой рѣчи.

— Вотъ хорошо, что вы теперь тутъ все собрались, прервалъ графъ:—я хотѣлъ поговорить съ вами. Панъ комисаръ (*) жалуется, что нѣкоторые изъ васъ не слушаются, поздно выходятъ;—на паньщину: это нехорошо, этого прежде за вами не водилось.

— Здаеця намъ, що не повинно бѣ бути въ насъ такихъ, щобъ не слухали.

— Ну, а вотъ комисаръ говоритъ, что есть... Я предупреждаю васъ, что если только будетъ какое нибудь непослушаніе, то я поссорюсь съ вами... Гдѣ панъ комисаръ?... Попросите сюда пана Лисевича!...

Лакеи бросились во все стороны.

Депутація, снова пользуясь минутой общаго молчанія, отвѣсила поклонъ и заговорила. На этотъ разъ ихъ рѣчь была поддержана и громадою, которая, подаваясь мало по малу впередъ, почти смѣшалась съ своими депутатами.

Выслушавъ до конца просьбу, графъ отвѣчалъ:

— Я подумаю объ этомъ.

И началъ графъ опять говорить о совершенно постороннихъ вещахъ.

(*) Главноуправляющій.

Въ первый удобный моментъ громада воротилась къ своему дѣлу. Тутъ ужъ и я присоединилъ свой голосъ.

Графъ по прежнему отвѣчалъ, что подумаетъ, и сталъ поминутно оглядываться во все стороны, спрашивая, пошли ли за управляющимъ?

Когда пришолъ управляющій, графъ взялъ его на сторону и долго говорилъ съ нимъ шопотомъ. Наконецъ, обратился къ громадѣ:

— Черезъ двѣ недѣли я буду объѣзжать съ паномъ комисаромъ все фольварки и тѣмъ громадамъ, которыя будутъ до того времени во всемъ исправны, послушны, — тѣмъ громадамъ... я... можетъ быть и подарю барщину старосты. А теперь подождемъ съ этимъ дѣломъ. Вотъ панъ комисаръ говоритъ мнѣ, что въ последнее время одна только Браиловка оставалась попрежнему исправною, послушною, спокойною... Спасибо вамъ, браиловская громада, спасибо!... Я, чтобы отличить васъ отъ прочихъ, хочу вамъ что нибудь сдѣлать... Приходите... да, приходите въ пятницу, или нѣтъ, — въ субботу... впрочемъ лучше въ пятницу, приходите въ пятницу въ лѣсъ; тамъ будетъ въ это время экономъ и панъ комисаръ.. и я выѣду... приходите же въ пятницу, — я вамъ позволю набрать по немногу *сушника*... разумѣется, безъ сокиры... Смотрите же, чтобы ни у кого не было сокиры... Боже сохрани, если найдутъ у кого-нибудь сокиру.

Панъ-комисаръ, объясняя всемилоостивѣйшее одолженіе графа, растолковалъ браиловской громадѣ съ безукоризненной ясностью всю ненужность присутствія сокиры при собираніи въ лѣсу сушника подъ надзоромъ эконома, комисара и самого графа.

Я, не дожидаясь уже конца этой забавной сцены, поѣхалъ на другіе выборы.

Потомъ г. Лисневичъ, рассказывая мнѣ о безпорядочности нашихъ крестьянъ, говорилъ:

— Ну, вотъ вы были свидѣтелемъ, какъ самъ графъ объявилъ браиловской громадѣ, что въ такой-то день могутъ придти въ лѣсъ и набрать себѣ топлива. Что же вы думаете, собрались они въ тотъ день?... десять, много пятнадцать человѣкъ пришло!..

Да, чрезвычайно странные люди — наши крестьяне, — думалъ я смѣясь.

Въ Пилиповцахъ громада рѣшительно отказалась выбирать старосту и не соглашалась даже собраться на сходъ такъ, что я принужденъ былъ послать на сходъ становаго пристава. Графъ былъ чрезвычайно опечаленъ, можно сказать — обиженъ. Онъ поблѣднѣлъ... потомъ

вскипѣлъ и проговорилъ съ негодованіемъ: «Пу, стоитъ ли послѣ этого дѣлать имъ добро?.. Нѣтъ, я все больше и больше убѣждаюсь, что чѣмъ лучше для нихъ дѣлаешь, тѣмъ они неблагодарнѣе... Ничего, ничего не стоитъ для нихъ дѣлать!...

Въ Великомъ Поросятковѣ, по окончаніи волостныхъ выборовъ, г. Ганицкій пригласилъ къ себѣ всѣхъ выборцовъ на закуску. Гостепріимная хозяйка была очень рада случаю, а проголодавшіеся выборцы—еще болѣе. Между прочимъ, хозяинъ, заговоривъ о выбранныхъ волостныхъ судьяхъ, высказалъ свое удивленіе: почему громада не выбрала человѣка, бывшаго въ Поросятковѣ судьей безсѣнно болѣе пятнадцати лѣтъ? Этотъ человѣкъ былъ тутъ же. Услыхавъ, что рѣчь идетъ о немъ, онъ отвернулся въ сторону, махнулъ рукой и проговорилъ:

— Нащо імъ мій розумъ! то колись старі вчили молодихъ, а теперъ вже молодні вчать старихъ!

— Нащо такъ говорите, перепрошаю васъ,—отозвался стоявшій возлѣ него рослый крестьянинъ.—Ви, діду, не кривдуйтеся тимъ, що ми васъ не вибрали, бо ми не безъ причини васъ облишили. Теперъ, уважайте, нові настають порядки,—потребують безпримінно и новихъ людей...

— Якъ вамъ, пане Адольфе, подобаетця увага сѣго чоловіка?—спросилъ я хозяина.

Въ нѣкоторыхъ селахъ бесѣда на сходѣ шла чрезвычайно ровно и, большею частью, держалась только того предмета, который вызвалъ сходъ. Въ этихъ селахъ преобразование не казалось преобразованиемъ, а выходило просто нѣкоторымъ расширеніемъ личныхъ правъ крестьянъ; что жъ касается до матеріальнаго ихъ быта, то онъ оставался почти безъ измѣненія. Правда, и тутъ вырывались иногда изъ толпы вопросы, которые иной называлъ бы странными, непріятными, а пожалуй увидѣлъ бы въ нихъ и чорную неблагодарность крестьянина. Но, помоему, эти вопросы не должны казаться ни странными, ни даже непріятными. «Дежъ тая воля?» «Яка жъ то переміна?» «Що жъ тутъ лишого?» «То й лїсь зостаєтця панськимъ?» Эти, и

подобные вопросы показывали ясно, что громады исполняли повинности передь своими помѣщиками такъ, какъ будутъ они исполнять ихъ и теперь, по уничтоженіи крѣпостнаго права,—этого страшнаго меча, который могъ разсѣкать самую крайнюю невозможность. Вѣдь надо же помнить, что всякая громада есть частица той массы, которая ликуетъ и кричить, что ей будетъ теперь лучше.

— Ліпше?

— А вжежъ.

— Всімъ ліпше?

— А вжежъ,—всімъ.

— Чому жъ намъ нема нічого ліпшаго?

— Бо вамъ и до сѣго часу було добре.

— Дѣ тамъ добре!...

И послѣднее замѣчаніе говоритъ не крестьянинъ Иванъ, а просто Иванъ и Иваны всевозможныхъ видовъ и со всевозможными прозвищами и должностями. Не къ чему было толковать имъ, что теперь вы имѣете такія и такія права, а вашъ помѣщикъ уже не имѣетъ надъ вами такихъ—то и такихъ—то правъ.... Гражданскія права еще не представляютъ теперь значенія для всякаго крестьянина, особенно въ томъ селѣ, гдѣ помѣщикъ жилъ какъ просвѣщенный человѣкъ, а не какъ либеральный падишахъ.

Въ *Дашковцахъ*, на сходѣ, при одномъ случаѣ, особенно рѣзко высказалось то недовѣріе къ нашему брату—*пану*, которое во многихъ другихъ селахъ высказывалось на каждомъ шагѣ. Громада, представляя мнѣ человѣка, котораго она уже рѣшила выбрать въ старосты, говорила, что нечего тратить время на балотировку, потому что «на нѣго пристають всі до одного.» Но я, желая исполнить хоть какую-нибудь формальность выборовъ, предложилъ выбиравшимъ поднять руки. Ни одна рука не подымалась. Я думалъ, что меня не разслышали и повторилъ предложеніе. Руки все-таки не подымались и громада молчала.

— Люди добрі! ви жъ кажете, що пристаєте на сѣго чоловіка...

— Всі, всі, всі до одного! закричала громада:—най буде вінъ нашимъ старостою!

— Піднеси жъ руку той, хто вибірає сего чоловіка на старосту.

Я порахую скільки такихъ, що пристають на нѣго, а скільки такихъ, що не пристають.

Ни одна рука не подымалась и видно было, что всѣ чувствовали себя какъ-то неловко, въ щекотливомъ положеніи; переглядывались другъ съ другомъ, посматривали то на меня, то на помѣщика; переминались съ ноги на ногу; перемѣняли мѣста, особенно стоявшіе впереди.

— Що жъ то значить? чому жъ жоденъ зъ васъ не хоче піднести руки и тимъ способомъ показати міні, що вибірає сѣго чоловіка.

— Та ми жъ кажемо ясному пану, що всі до одного пристаємъ на нѣго,—снова заговорила громада.

— Такъ піднеси жъ руку той, хто пристає!

— Нащо жъ се?

— Щобъ и я бачивъ голосъ кожного зъ васъ. Бо такъ ви говорите міні, що всі пристаєте...

— Всі, всі!

— Ну, добре,—кажете що всі. Але я не могу розпознати, чи всі тое кажуть, чи може є й такі, що мовчать...

— Ні, ні!—нема такого!

— А хто знає,—може й є. Сей чоловікъ стоїть до васъ плечима; вінъ не буде бачить, хто піднісъ руку, а хто не піднісъ.

— Ми не будемо підносити рукъ; жоденъ не піднесе... Ми всі до одного пристаємъ на сѣго чоловіка, але підносити руку не будемо-жодный.

— Для чого жъ то?

— Але, бійтеся Бога! якимъ способомъ будемо ми тое робити, коли ми не знаємо, на якій то кінець?

Долго я толковалъ крестьянамъ цѣль моего требованія, но громада все-таки стояла на своемъ и твердила, что не знаетъ «на якій кінець» поднимати руки. Ясно становилось, что громада не вѣрила моему толкованію. Крестьянинъ до этого времени подымалъ руку только передъ евангеліемъ во время присяги и, помнитесь мнѣ, что въ другихъ селахъ, когда я предлагалъ такую же форму выбора, то почти у всѣхъ поднятыхъ рукъ меньшіе два пальца были поджаты. Словомъ, въ поднятій руки дашковецкая громада понимала непременно присягу, а присягалъ крестьянинъ всегда на то, что требовалось неизвѣстнымъ текстомъ присяги, прочитываемымъ постороннимъ человекомъ и потому теперь, боясь вѣроятно, чтобы я въ минуту этой

присяги не воспользовался случаемъ и не прочиталъ обязательства, опаснаго для ихъ новыхъ правъ,—они не соглашались поднять руки и говорили: «не знаемъ, на якій то буде конецъ».

— Ну, ежели неподобаетца вамъ, громадо, такіи способъ вибора, то зробімо такъ: тіі, що пристають на сього чоловіка, идіть сюди, а тіі що не пристають—зоставайтеся на місті.

Всѣ разомъ тронулись и перешли на указанное мѣсто.

Въ *Мурованныхъ Куриловцахъ*, коснувшись повинностей передъ помѣщикомъ, я спросилъ громады, исправно ли они отбываютъ барщину. Помѣщикъ сейчасъ же взялъ меня подъ руку, заговорилъ о совершенно другомъ предметѣ и мало по малу просто оттеръ меня отъ толпы крестьянъ. Отойдя со мной всторону, онъ началъ говорить о чрезвычайно исправномъ отбываніи барщины во всѣхъ селахъ его имѣнія.

— Правда,—замѣтилъ помѣщикъ:—въ послѣднее время были маленькіе грѣшки; но это я объясняю теперешнимъ несчастнымъ ихъ положеніемъ: каждый день, почти каждый день въ прошломъ мѣсяцѣ, они были заняты саранчей—И все-таки она истребила больше половины засѣва, а у многихъ—все до послѣдняго стебля.

Но только—что выбранный старшина, вмѣстѣ со старостами, въ этотъ же день просили меня дать имъ, хоть на первое время, больше власти, нежели предоставлено закономъ, потому, говорили они, что многіе хозяева просто безсовѣстно поступаютъ съ помѣщикомъ. Помѣщикъ почти цѣлую весну не требовалъ барщины, видя, какъ народъ занятъ истребленіемъ саранчи. Потомъ, когда хлѣбъ въ полѣ сталъ дозрѣвать, помѣщикъ предложилъ крестьянамъ хватать прежде свой хлѣбъ, а потомъ уже браться за его помѣщичій. И послѣ всего этого «ё багачько такихъ, що жнуть теперь на лану за гроши, а паньщини не хтять відбути ані одного дня въ тиждню, хоть що-хочь ёму роби!» И съ какимъ искреннимъ негодованіемъ рассказывали мнѣ все это старшина и старосты! Я еще разъ поговорилъ съ громадами, далъ наставленіе старшинѣ, переговорилъ съ судьями, и уѣхалъ. Черезъ недѣлю въ куриловецкомъ имѣніи по всѣмъ селамъ порядокъ былъ уже возстановленъ. Что же касается до нѣсколькихъ тысячъ прогульныхъ дней,—помѣщикъ не говорилъ о нихъ ни слова. Такимъ образомъ, по возстановленіи порядка, не было и помину о прошломъ. Взявъ въ со-

ображеніє такія условія отношеній помѣщика къ крестьянамъ въ куриловецкихъ селахъ, я предвижу, что тутъ дѣятельность моя не пропадетъ даромъ, и потому на эти села я обрешу возможно большее вниманіє и отдамъ имъ возможно-болше своего времени. Первый шагъ вездѣ, во всемъ важенъ, но начинать, кажется, никому нехочется. Если же мнѣ удастся въ Куриловцахъ вывести трудъ крестьянина изъ болота панычины, то за Куриловцами пойдуть и другія села.

Григорій Ге.

ЗЪ СТАРИХЪ САНЖАРЪ (Полтавського повіту).

(29 квітня 1862 р.)

Въ *Основі* чимало друковано вістей про городи, и дуже, дуже мало про села,—тоді—якъ *Основа* повинна бути першъ усеґо голосомъ сільського люду, ёго нуждъ, ёго щоденного життя,—повинна обороняти ёго одъ неправдъ и не допускати, щобъ *чужий* духъ, або чужа мова, прокрадаючись у села, пікчемничила чисту селянську мову и народне життє. (*) Такъ собі мизкуючи и душею бажаючи запомогти такій недостачі селянськихъ вістей въ *Основі*, ставъ я на тому, щобъ у кожному селі, де доведеться мині бувати, збирати вісті и посилати їхъ до «*Основьянъ*».

Позавчора довелось мині два дні прожити у *Старихъ Санжарахъ*. Напишу, що розвідавъ про се містечко.

Старі-Санжари, въ кінці XVII и на початку XVIII віку, були сотенимъ городомъ Полтавського полку.—У старихъ ділахъ Полтавського Губернського Правленія мині траплялось находити сліди, що ще въ 1751 року Старі-Санжари звались городомъ; объ тімъ, коли и черезъ що їхъ перейменовано зъ города на містечко—народъ незвістенъ, и я відомости не находивъ. И теперъ народъ ділить Стари-Санжари на три главніхъ кутки: городъ, кріпость и поділъ.

(*) *Основа*—про всіхъ, про всю громаду, про весь народъ—городський и сільський. Мабуть, в.—п. Переходовець не добре вчитався въ *Основу*; а то бъ не парікавъ на насъ *Ред.*

Сліди кріпости ще є ї досі, ще ї тепер є глибокий рівь, котрий, видно, бувь колись виходомь до Ворекля; кругомь рова йдуть стіни (брустверь); у давнину, стіни були не дуже товсті, а тільки високі, и сама кріпость не була наочною кріпосттю, а тільки не величкимь укріпленнемь зь півночної, південної и східної сторони. У кріпості колись була и церква св. Миколи. Роківь зо три назадь, на місто її, трохи дальше и кь полудню, збудовано нову дерев'яну церкву, — того жь таки святого. Не далеко відь кріпості—волося и школа. На кутку, котрий зветця кріпосттю—більше пустні ґрунти, и хати дуже рідко; бо зь сього місця, такь багацько виселилось людей, що вь Константиногородському повіті заселили ціле село Перещенину; окроме того, багацько виселилось у Кримь.

Кутокь, що зветця *городомь*, заселений густо, більше торговими людьми. Езъ десятокь півдї—якихь дерев'янихь лавочокь, біля котрихь и збіраетця що—дня дуже—дуже рано торгь.—Поділомь звуть кутокь по—надь Вореклю (Санжаровці більше звуть її Рогизною, через те, видно, що на їй росте багацько рогози)—А що за прехороший видь зь кріпості на Вореклю, особливе весною у розлив! Вода поняла оксамитні луги и поробились невелички островки, на котрихь, якь золото, сяє лопухь. Наврядь чи є де другая, така гарна містность, якь у Ст. Санжарахь! Хто любить природу, зелені луги, золоті островки, срібні сади вишневі, тому треба побувать у Санжарахь.

Живуть у Санжарахь трохи не все козаки; временно—повиннихь селянь небагато, а міщань ще менше. Козаки—народь убогий, через те, що мають дуже мало землі. Єсть міжь ними и богачі—чоловіка 15 або и 20; поробились вони багачами, деручи зь своїхь братівь, да скуповуючи не—за—що у біднихь землі. Настане пора платить подушне (на душу приходитця, такь сказано мині козаками, самий казні 2 карб. 67 коп. да якихсь—то *прибавочнихь* 1½ карб.): де убогому взять стілько грошей? оть и йде вінь до жида (*), або и до свого брата—багача позичать и платить 20 процентівь за півроку, або заставить на—упадь упругь землі. Такимь побитомь и порозживались багачі, та не йде їмь у користь неправдою пажитее: народь не любить багачівь, — каже, що вони *здирники* и *пече-*

(*) Жидамь, по закону, не можна жити у Стар. Санжарахь; одначе, зь позволення станового, да сираника, не тільки живуть, а и шинкують,—дурять народь.

стивці. И справді, кажуть, усі почти багаті козаки під *судомъ*. Судовикамъ нема кращої поживи, якъ попадетця підъ судъ багатий козакъ: скільки вінъ переносить імъ, скільки перевозить усячини, такъ и сказати не можна! Я знаю козаківъ, котрі були багатими, а якъ піддержали їхъ літъ десять *підъ судомъ*, такъ поійшли въ старці...

Знаючи, що Старо-Санжаровська козача волость має на процен-тахъ у Государстvenному банку зайвихъ грошей більшъ 2 тисячъ карб., я ставъ радить козакамъ и голові, щобъ завели у себе, по приміру другихъ волостей, *ссудну кассу*. Усі вони одвітали кині, що вони давно вже сѣго й сами бажають, да неможна зробить, бо волость їхъ не въ такому *розряді*, щобъ можна заводити касси, а начальству нема діла до того, якъ гірко біднимъ позичать у багачівъ; начальству аби були *хворимний порядки*. Крімѣ тихъ грошей, що лежать у банку, Ст. Санжаровська волость має що-року зъ лісівъ, да поля, доходу $4\frac{1}{2}$ тисячи карб., а де вони дівають—про те тільки начальство знає!... Балакавъ я зъ волостнимъ головою (чоловікъ розумний, та мабуть хитрий; *чиновникъ*!) щобъ завести у волості больницу, — «больница, каже вінъ, а особливо лікаръ, або хочъ би підлікаръ, діло дуже потрібне, та неможна завести.»

— Чому? питаю я.

— Багато турбовання?

— Якого?

— Спершу треба, щобъ начальство предписало, а послі треба, щобъ громада згодилась на те; а громада не хоче, — каже, що нехай лучче баби вишпінтують. — Та ще громада бъ сякъ-такъ, може бъ и згодилась, та мука просить розрѣшення... Отъ, приміромъ сказать: у насъ три ярмарки у селі; одна на Юрія, друга на Пантелимона (27 іюля); третія на Семена (1-го сентября). Дві послідніхъ зовсімъ не впору, якъ разъ у робочий часъ. Давно вже мізкуємо прохать, що бъ перемінено на други числа, да боязко, черезъ те, що нікому клопотать у Полтаві, а тамъ якъ піде у Губ. Росправу, то й пиши пропало, або ідь *да уклонись якъ слідъ* секретареві, да столоначальникові...

Побалакавши ще де про що, вийшовъ я до громади. Громада збиралась на раду про московський провіантъ, котрий слідовало получить хазяинамъ за те, що харчували москалівъ. Громада була велика; поприходили и баби, и молодиці и дівчата. Повівъ я річъ про больницу, про лікара. Правда, спершу стали казать, «що намъ не тре-

ба сього нічого, у насъ баби відшепчуть, та костоправи;« а далі зрозумівши діло, стали казати, що ні-за-що нанять лікаря, нема грошей.

»Якъ нема? кажу я. Ажежъ ви часто оддаєте провіантъ на церкву: церквей у васъ, хвалить Бога, доволі, ажъ шість; е и лишні, бо дві за штатомъ, и всі церкви не убогі; ви кращебъ продавали провіантъ, а на ті гроши и завели бъ больницу.«—»Э, э! чому не воно! почулось разомъ зъ усієї громаді,—се такъ!—оддай гроши, то не буде ні грошей, ні больницы! Се вже ми знаємо!...

Роспитуючи дальше, я догадався, що громада ні голові, ні якому начальству своєму не вірить ні на шагъ. А не вірить черезъ те, що голови й писарі, повиучувавшись на московський ладъ и по московськимъ книжкамъ грамоті, да помазавшись *палатськимъ* миромъ, одрізняють одъ народа, роблять перевертнями, думають, що вони розумній усієї громади, та часомъ и обдурюють громаду, кажучи: *»такъ Палата предписала.«*

Біля волости заразъ и школа. Зайшовъ я й туди. Крий Боже, що за школа!! Просто не школа, а душенія біднихъ дітей. У школі заставъ я 65 хлопців и 8 дівчатъ. Учять їх за плату (100 карб. на рокъ) панотець Ондрій Болдовський, котрий наймає уже самъ відъ себе собі підмогача, якогось бурсака. Учять дітей по московськимъ книжкамъ; рідного слова вони не чують. Спитавъ я що бъ указали міні самого давнійшого и самого кращого учня. Міні показали на хлопця Инду, котрий вже четвертий рікъ ходить у школу. Передъ нимъ лежала свящ. история; я попрохавъ, щобъ хлопця прочитало: прочитавши про Иосифа, ставъ я прохати, щобъ розказавъ, те, що читавъ. Ні въ зубъ! Тоді давъ я йому прочитати те жъ саме зъ *Граматки* Куліша; хлопця прочитало и розказало якъ слідъ. Другий хлопець, Будлій—читавъ *книжку Наума*. Прочитавъ вінъ міні про видъ землі, и одного слова не розказавъ. Питавъ ще я трохъ хлопців и всіхъ дівчатъ: — те жъ саме! Читає—и нічогосінько не розуміє. Питаю одну дівчину: що таке *плодъ* и *дерево*? мовчить, не знає; а дерево, садовину знаєте?—знаю, каже!—Зъ арифметики ще гірше! питаю: 3×4 —знає; а три рази почотири—невтне; 4 у 16? знає; а 16 поділити на 4—не знає.—За те, якъ гарно усі знають книжечки на пам'ять!! Питаю: хто бувъ першимъ царемъ у жидів? Ніхто не сказавъ; а тільки я промовивъ: скажіть міні *о царяхъ*,—заразъ и затрещали: »два сына Самуловы продались лихому!«...

Що жъ то таке лихонмство? питаю—»Не знаємо«—»А хабарі знаєте?—»знаємо!«—Питаю зновъ дівчини: відъ кого родивсь Исуєсъ Христосъ?—не знає; а якъ сказавъ: розкажіть о рожестві Хріста? такъ зразу и пролететала напам'ять витовчене зъ книжки.

Пан-отець и его підмогачъ кажуть, що вони бъ ради учить дітей по українськимъ книжкамъ, що відъ такої науки велика бъ польза була, такъ щожъ, коли Палата не предшисе. Ради бъ, щобъ діти не вчили всього на пам'ять, а розказували своїми словами, такъ не можна сього робить черезъ те, що якъ приїде на экзаменъ палатський чиновникъ, такъ велить, що бъ діти безпримінно видвчали слово въ слово, якъ надруковано въ книжці!

Показали мині самихъ недавніхъ хлопцівъ,—которі ходять зъ Пилипівки й досі гараздъ не вміють азбуки. Учять їхъ по старій методі: *азъ, буки, віді*. Про нову методу пан—отець и не чувъ и ні защо не вірить, щобъ можна дитину за тиждень навчить читати.

Учать ще співать по церковнимъ нотамъ и одну пісню (*для встрічи при приїзді Управляющаго Палатою*): »мы тебя любимъ сердечно.«

Діти усі якось залякані; їхъ и лають, и б'ють лєнійками и різками и муштрують, щобъ якъ увийде въ школу писарь, або голова, або инший хто, то щобъ уміли *всі разомъ* вєтати.

Що жъ за диво після сього, що тільки 20 душъ *по волі* ходять у школу, а останні по *приказанію*! що народъ не вірить въ пользу грамоти,—каже: »училище почти 20 літъ, якъ заведено, а ні одной душі не навчили до-ладу; въ школі не учать, а мучать?!...

Бідні батьки, бідна дівора! жалко васъ!... Діти дуже раділи, якъ роздавъ я їмъ насєки книжечки; а чоловікъ зъ шість зъ громади сказавъ мині: »отъ—коли бъ по такимъ книжкамъ учили, то може бъ и толкъ бувъ,—а то дають ни-відь-що!«

И таки справді ни-відь-що! Одинъ школяръ, читавъ при мині книжку: »о *повсемьстномъ распространеніи грамотности на нравственныхъ началахъ*. Питаю: чи знаєшь, що читаєшь?—»А хто єго знає, каже; дали що бъ читавъ, такъ и читаю.«

По дорозі въ Санжари заїздивъ я у селі Мачухахъ у школу. Тутъ було 60 хлопцівъ и 10 дівчатъ. Учять пан—отці. Я заставъ отця Михайла Животкова; чоловікъ дуже хороший, діти у єго смілійші и вдачній відвчають. Жалко, що и въ сій школі ведеться лайка, бійка (це різками) и муштра вєтавання. И сей пан—отець каже, що покіль

не предпишуть учить по українськимъ книжкамъ, потіль пользи буде мало; бо діти московськихъ книжокъ не понимаютъ, хочъ и учать їх на пам'ять.—Чи вже жъ—таки, скажемо відъ себе, не прийшла й досі пора додуматця, що корові сідло не пристало?

Олександръ Переходовець.

29 Квітня 1862 р.

ІЗЪ ЛУБЕНСКАГО УЇЗДА, (Полт. губ.)

Новости неутѣшительны. Расскажу все по-порядку. Въ половинѣ февраля отцу случилось быть *на громадѣ*, созванной окружнымъ начальникомъ. К—скимъ, по случаю переноски шершневскаго магазина съ одного мѣста на другое. Лѣтъ десять тому назадъ строился магазинъ нашъ, не при этомъ окружномъ, правда. Когда дѣло зашло о томъ, гдѣ поставить его, громада сказала, что всего лучше *на ніску*. Окружному хотѣлось поставить въ болотѣ, гдѣ онъ и поставленъ былъ. Громада возражала, что ему тутъ не мѣсто, что когда его наполнять хлѣбомъ—онъ войдетъ въ землю.—«А, се въ тебе млинъ мабуть оце стоить, «сказалъ окружный говорившему: такъ магазинъ вітеръ зупинятеме...» и магазинъ поставленъ—таки тамъ, гдѣ и вы его знаете. Теперъ онъ дотого покоровился, что оказалось нужнымъ сдѣлать по—громадському и перенести *на нісокъ*. Дѣло сдѣлано, составлена смѣта на 1915 р. 55 к., объявлены торги въ палатѣ; они, какъ водится, не состоялись и начальство рѣшило перенести его *хозяйственнымъ образомъ*. А вы знаете, какой пріятный трудъ для бкружнаго дѣлать дѣло казенное хозяйственнымъ образомъ... особенно, когда у него то и дѣло, что переноска магазиновъ и училищъ по уѣзду съ одного мѣста на другое... Созвана громада въ квартирѣ одного маіора уланскаго полка, квартирующего теперъ въ лубенскомъ уѣздѣ. Здѣсь окружной объявилъ ей, что такъ—какъ на публичные торги къ подряду никто не явился, то начальствомъ предоставлено обществамъ право сдѣлать переноску хозяйственнымъ образомъ. А потому онъ приказамъ громадѣ выбрать изъ среды себя двухъ состоятельныхъ хазяинівъ, честныхъ и смышленыхъ, которые бы постоянно надсматривали за работами и дѣлали расчеты съ рабочими, получая деньги, по мѣрѣ надобности, отъ волостнаго головы, который будетъ вести счета. Гро-

мада, потолковавши, назвала двухъ козаковъ — З — ка и Данилу Оч — ка. Пока названные лица протолпились въ хату, окружный держалъ громадѣ рѣчь такого содержанія: «Хорошо, что вы переносите магазинъ; вотъ, еслибъ еще перенесли и другой туда же. Я со-вѣтую вамъ сдѣлать подушную раскладку и на переноску этого магазина: тогдабъ вы заспокоили себя на 25 лѣтъ...»

Для большей ясности я считаю нужнымъ сдѣлать маленькое отступленіе. Квартира маіора была простая козацкая хата съ кімнатою. Въ кімнатѣ оставался маіоръ, въ передней комнатѣ былъ окружный и часть громады, другая часть въ сѣняхъ, а остальные на дворѣ. Окружный не любитъ возраженій, особенно не къ дѣлу. Были примѣры, что на возраженія козаки получали оплеухи, или толчки въ лицо. А потому, такъ-называемые хазяініи, изъ опасенія посрамленія передъ громадою, или совсѣмъ не ходили на раду, или становились поодаль. Вотъ почему З — ко и Оч — ко не сразу предстали предъ окружного.

З — ко началъ просить объ отмініи громадскаго приговора, такъ-какъ онъ человекъ совершенно одинокій, и для постоянного надсматриванія за работою, долженъ будетъ оставить свое хозяйство. При объясненіи, онъ сказалъ ненарокомъ: «если меня не уволятъ, то лучше мнѣ позвольте самому перенести магазинъ».

— Ахъ ты.... (Позвольте мнѣ не повторять дальнѣйшихъ словъ, сказанныхъ въ гнѣвѣ окружнымъ. Говорятъ, онъ перемѣнился въ лицѣ.) — Я четыре года хлопочу объ этомъ, а ты.... чтобъ доказать: ось я З — ко! Понимаешь ли ты, что это казна...

Громада поддержала З — ка: «нехай З — ко самъ, нехай З — ко» — слышалось отовсюду. Окружный ушелъ въ кімнату, З — ко тоже оставилъ раду. Громада тоже начала расходиться понемногу. Окружный вышелъ черезъ нѣсколько времени и началъ прежнее; хотѣлъ, чтобы намѣсто З — ка избрали другаго. Громада стояла на своемъ: нехай самъ З — ко... — «Изберите двухъ фундаторовъ, говорю я вамъ...»

— Буде вже й того, ваше в — іе, отозвался наконецъ Данило Оч — ко, що збирали фундаторівъ и на Юрища: и двісті карбованцівъ пропало и Юрища не наши... — Вы помните дѣло о Юрищахъ. Это общій выгонъ селъ: Шершневки, Еркольца, Вязовки и Марковца. Въ последнее десятилѣтіе почему-то, въ луб. уѣздѣ, на общіе выгоны нѣкоторые села начали предъявлять свои исключительныя требованія. Дѣло обыкновенно завязывалось займомъ скота другой громады, велось съ тратою громадскихъ денегъ и оканчивалось: оставить попрежнему въ общемъ

владѣніи. Такъ было и съ Юрищами: вязовчане загнали шершневскій скоть, дѣло пошло въ суды, къ окружному... и 225 р. с. шершневское общество потратило, и вязовчане тожъ... а рѣшено: оставить попрежнему въ общемъ владѣніи. Послѣ такого напомниманія, окружному стало неловко.

— И се другой пьяный, сказалъ онъ, не проспався спяну... Оч—ко оскорбился и ушелъ. Громада настаивала на своемъ. Призвали З—ка; онъ тоже упорствовалъ. — Ну, такъ представьте залогу 600 р. с. — «На що залогъ, сказалъ З—ко, за меня громада поручитця.» — Обидві (т. е. громады двухъ селъ) «поручимось,» закричали. — «И будете помогать?» сказалъ З—ко. — И будемо помогать. — «Да за чтó ты берешься, подумай только,» началъ окружный: одни майстрі 500 р. стоятъ будутъ тебѣ, да еще то и то.... началъ онъ смѣту читать... Та ти и коровки попрадаешъ, та ничего не зробишь.» З—ко и громада стояли на своемъ. — »Будемъ помогать,« кричала громада: — намъ все рівно, кому не помогать, чи вамъ, чи З—кові; намъ ще лучше своему помогать.» Окружный хотѣлъ, чтобъ О — ко былъ половинщикомъ, послалъ за нимъ; но тотъ, оскорбленный, не явился; чтó ему ни говорили, онъ не захотѣлъ идти. Окружный уступилъ силѣ обстоятельствъ. На другой день явился въ Ш** помощникъ окружнаго — описать имѣніе движимое и недвижимое у З—ка. Описали, а на що? сего й досі ніхто не зна. Мабуть, щобъ знать... Призвалъ З—ка, повелъ по магазину: оце нужно перемѣнить, оце, оце. З—ко слушалъ, слушалъ его, видитъ, что, по его, все нужно перемѣнить, не вытерпѣлъ и съострилъ: «якъ же то перемінишь? поставитъ намісто дубового осинове, або березове, чи якъ?» — Нїтъ дубовое. — «Якъ дубове то й се годится, воно тільки почерніло.» Онъ сконфузился и уѣхалъ. Черезъ нѣсколько дней позвали З—ка къ окружному въ Лубны. Чего тутъ не было? и увѣщанія и угрозы... Между тѣмъ З—ко договорилъ майстрівъ изъ шершневскихъ козаковъ, занимающихся постройкою млинівъ. Окружный пріѣхалъ, созвалъ громаду, призвалъ майстрівъ къ магазину, началъ говорить, что они неспособны перенести его. — »Ну чи ви зробите таке крильце?« сказалъ онъ подконецъ, обращаясь къ Макару, главному майстру. — «Аби матеріяль, то ще й лучше зробимо», отвѣтилъ Макаръ. За симъ послѣдовалъ тычокъ кулакомъ въ лицо Макару... Макаръ отступилъ назадъ. Окружный пошелъ въ магазинъ. Голова и майстрі за нимъ; въ главѣ стоялъ не Макаръ уже, а Саміло. Гово-

риль здѣсь окружний, говорять, много о ихъ неспособности и глупости. Но они никакъ не вѣрили ему, а Саміло имѣль неосторожность повторить замѣчаніе Макара, за чтó него мужичья морда почувствовала прикосновеніе кулака... Вышли изъ магазина—новая сцена. Явился старикъ съ жалобою: «мене зять покинувъ: я ему одисавъ свою землю, щобъ вінъ живъ зо мною, а вінъ узавши бумагу, пішовъ до свого батька.— «На що жъ ти дававъ ему бумагу? Чомъ ти до мене, або до голови не зайшовъ, якъ дававъ бумагу... я бъ тобі посовітовавъ...»—Я не въ Лубняхъ дававъ бумагу, а въ Хоролі.—«Отце такъ?»—Въ Лубняхъ багато беруть грошей, а въ Хоролі меньше.—Окружний, не сказавъ ни слова, уѣхалъ...

Дѣло не кончено и до времени моего отъѣзда, хотя есть частныя, словесныя распоряженія готовиться къ переноскѣ....

ИЗЪ СЕЛА МЛИНІВЪ (Зіньковського повіту, Полт. губ.).

Якъ вїхать зъ Опошні на Ахтирку, заразъ направо одъ великого шляху стоїть невеличке село Млини, Зіньківського повіту. Село невеличке, да знаеме всімъ. Спитайте, чи въ Котелові, чи въ Богодухові, чи у Врублівці—усюди знають Млини. Та якъ и не знать їхъ, коли відсіля постачаютьця миски на всю Харьківщину и на Дінь. Знаемні Млини ще більше черезъ благочестивого протопопа отця Петра Лубьяновського, уже помершого. Багацько у Млинахъ и въ Опошні єсть старихъ людей, котрі зазнають Лубьяновського. Та й хто не знавъ ёго? И царъ Олександръ Павловичъ знавъ ёго лично. И знали Лубьяновського не за багатство, бо вінъ не мавъ его; не по пишностямъ, або роскошамъ якимъ, ні: знали его за розумъ, за ласкавий привітъ до всякого, за щирі его ради. Чи треба було кому позичити якого рубля грошей, чи такъ у якому ділі порадитись—усі йшли до Лубьяновського, якъ до батька. А що, кажуть, за строгий чоловікъ бувъ у церкві,—такъ и сказати не можна! Разъ, кажуть, старого Кочубея звелівъ вивести зъ церкви, за те що розмовлявъ тоді, якъ отець Петро ишовъ зъ *переносомъ*. И довговічний, кажуть, бувъ Лубьяновський. Родився вінъ у 1740 року, більше пятидесяти літъ бувъ священникомъ и благочиннимъ, збудовавъ у Млинахъ хоро-

шу каменну церкву; діждався внуків і правнуків і вмер під девеносто літь.

Отож, кажу, село Млини стоять собі у долині, по сей бік Ворскли і засажені роскішними садами, найбільше слив'яними, кругомъ есть хорошні ліса.

Зъ панівъ живе у Млинахъ тільки якийсь Г—ъ, кажуть, зъ татаръ, чи що. Не знаю, скільки у ёго временно-повиннихъ крестянъ; по їх хатинахъ видно убожество, видно, що тутешні люде недавно стали людьми.

Козаківъ, да *казенихъ* крєпаківъ, у Млинахъ не багатько: всёго сорок дворівъ. Земель пахатнихъ у козаківъ нема; черезъ те і въ хліборобстві вони не кохаютьца; промишляють усі мискоробствомъ і зовутца *полив'яниками*; міжъ ними тільки одинъ гончаръ. Жінки пораютьца біля товару, у кого є; прядуть, такъ якъ і всюди по Україні, а де—котрі водятьца зъ садовиною: сушать сливи і продають у Опшні, въ Полтаві, а де—хто і въ Кременчугъ возить. Бочка слив (відеръ 40) продається рублівъ 50. Та гарно жъ і сушать сливи! Краще ніжъ оттіі *хрещузьскі черносливи*. Не багато, одначе, заробітківъ на сливахъ. Звісно: свої садки невелички, треба наймать, треба сторожа приставить, треба і се і те. Отъ, колибъ казна наділила млинянцівъ землею не въ наємъ, а въ продажу, або въ подарунокъ, то певно бъ вони порозводили великі і гарні сади.

Мискоробство прибиточній. Ніколи мені було роспитатьца гараздъ, скільки коштує миска самому хазяїну; а на-швидку сказано мені, що кожний хазяїнъ (зъ наймитами) виробить за рікъ 27000, або до 35000 мисокъ; кожна зъ нихъ у продажу дешевше чотырохъ шагівъ не йде. Та недумайте, що вже й тутъ великі заробітки, ні: треба купить дровъ, нанять наймитівъ, заплатитъ за землю, де глину беруть. Ставъ я питати, чи давно ведутьца у Млинахъ полив'яники? і одказано мені, що дуже дуже давно; що видііли мискоробство і гончарство перейшло вже у другі села. Старий дідъ розказавъ мені, що літь триста (!) назадъ, ще якъ писалась четверта ревизія, якісь два Литвини утікали зъ Польщи; тамъ, де теперъ стоить село Млини були тоді ліса непроходимні; такъ отъ ті Литвини, засівши у лісахъ, щобъ їх не поймали, покопали собі землянки і стали робить:—одинъ миски, а другий — горшки. Трохи згода, вони не помирились; гончаръ перейшовъ далше до Опшні, а мискоробъ зостався на своєму місці

и съ тоєі порі повелось гончарство и мискоробство. У теперешню пору мискоробство стало годъ-одъ-году кращать: мині показували и тарілки, и чайники, и каламарі такі гарні, що хочь куди!

Хатки у мискоробівъ чистенькі, чепурненьки, одначе, живуть бідно; кажуть, що *опека окружнихъ*, головъ, да волоснихъ писарівъ гірше всякого крѣпацтва. Чудне діло опі *голови*! Дуже чудне!! Збирають їхъ зъ козаківъ; покіль не зберуть и чоловікъ, якъ чоловікъ, а зібрали—и пішовъ здирство робить краще станового. А все черезъ те, що вибори нівідь-якъ роблять: зберетця громада, приїде палатський чиновникъ, або окружний, и, замісь того, щобъ тільки дивитись за порядками, а громаді дать волю вибратъ кого вона схоче, вінъ и почне казати: «треба онъ того, Кліма, або Евхима, вибрати головою: я его *давно знаю*, чоловікъ вінъ дотепний». Ну, и вибірають Кліма и Евхима мовчки; а нехай хто попробує заикнутця, що Климъ, або Евхимъ, чоловікъ хочъ и дотепний, а въ голови не годитця, и не годитця черезъ те саме, «що его давно знають» — крий Боже! заразъ назвуть такого смільчака *буитовщикомъ*, грімнуть, що его за бунтъ посадять у тюрму, пошлють у каторгу!... Громада и носи повісить! Махне руками, та й годі! И стане Климъ головою и здирствує...

Хотівъ я побувать ще у водяному млині, котрий недалеко відъ села вистроїла казна, да не впорався, не було часу, треба було поспішати до-дому. А кумедну штуку розказали мині про той млинъ. Ставъ вінъ казні 40 тисячъ карбованцівъ, а не змоловъ, кажуть, и чотирехъ тисячъ пудъ хліба, и теперъ хочуть ё продати. Та й краще зроблять! На що вінъ стоятиме, коли на ёму не можна молоть. Сорокъ тисячъ грошей, чи казеннихъ, чи мирських, все одно, пропали; казні зъ того млина поживи не буде, бо въ казни багато хазяїнівъ; а якъ хто купить, то, може, й доведе до пуття. Розказують: якъ поцеовався цей млинъ, такъ Палата й прислала свого *инженера*, чи якъ тамъ вінъ величається, щобъ роздививсь, що треба полагодити у млині и чого буде стояти те лагодінне. Приїхавъ инженеръ, взявъ зъ собою старшину и поїхали у млинъ. Походивъ инженеръ, походивъ, подививсь, та й каже: «а якъ ти думаєшь, старшина: що треба зробити, щобъ налагодить оцей млинъ?

— Не знаю, каже старшина: я чоловікъ неграмотний, вамъ лучче звісно се діло.

— Да мині здається, треба тисячъ три карбованцівъ.

— А я полагодивъ би й за п'ятсотъ. Нехай мині оддадуть на

пять літ въ оренду, я дурно налагожу, ще й Палаті платитиму рублів сто.

— Якъ же ти полагодишъ? питає инжинеръ.

— Теперъ не знаю, каже старшина, а тоді побачу.

Инжинеръ розсердився, вилаявъ старшину и поїхавъ. Мабуть здорову сміту написавъ, бо Палата и не лагодила млина. — Оттакъ—то пропадають дурні гроши!...

Така сама почти притча була и зъ мостами черезъ Ворсклу. Въ осени, кажуть, построили мости, а весною вони попровалувались....

Людей грамотнихъ у Млинахъ нема. Піпъ радъ би завести школу, есть и хата громадська, дуже придачна на школу, да ніколи попові... —то въ церкві, то по приходу, то уроки дає у Г—а паненятамъ:—отъ и ніколи, отъ и школи нема!

0. Переходовець.

Марта 2 дня, 1862 р.

ИЗЪ Г. ТАРАЩИ (Кіевской губ.).

I.

(1 мая 1862).

Нѣсколько дней назадъ я посѣтилъ сельскую приходскую школу въ с. Лисовичахъ (5 верстъ отъ Таращи) и спѣшу отдать вамъ отчетъ о моемъ посѣщеніи.

Число учениковъ въ этой школѣ простирается, по спискамъ, до 71 мальчиковъ, и 27 дѣвочекъ, — цифра довольно значительная, но малая, особенно по числу дѣвочекъ, для селенія съ 1000 слишкомъ человекъ жителей. Впрочемъ я засталъ въ школѣ не болѣе 25—30 человекъ, что происходитъ отъ приближенія рабочаго времени. По этой же причинѣ уроки съ 1 мая прекращаются совершенно на 4 мѣсяца, до конца августа.

Помѣщеніе школы болѣе чѣмъ неудовлетворительно: тѣсно, грязно, а зимою, говорятъ, еще и невыносимо холодно. Въ первое время по открытіи школы въ ней *не топили вовсе*, а нынѣшней зимой хоть и топили, но стѣны были сплошь покрыты слоемъ изморози, и вѣтеръ дулъ безпрепятственно сквозь дыры и щели въ стѣнахъ. И здѣсь занимались! Лица, завѣдывающія школой, не позаботились о луч-

шемъ помѣщеніи для нея, вѣроятно изъ подражанія стариннымъ бур-самъ: не топили вѣдь, дескать, и тамъ, а учились же, и сколько умныхъ людей выходило оттуда." Теперь, впрочемъ, строится новое помѣщеніе, для школы и волостнаго правленія вмѣстѣ, и предполагають окончить его къ зимѣ. Лѣсъ для этой постройки далъ помѣщикъ (г. А. Браницкій), а на всѣ остальные расходы деньги собраны съ громады. Мнѣ кажется неудобнымъ это сосѣдство школы съ волостнымъ правленіемъ: при нынѣшнемъ состояніи *всѣхъ* нашихъ присутственныхъ мѣстъ и настоящемъ развитіи народа, подобное сосѣдство можетъ дурно подѣйствовать на учащихся; безъ сомнѣнія, и «волостныя» правленія, подобно столькимъ инымъ «правленіямъ» и «управленіямъ», не свободны отъ бюрократической грязи и тѣхъ возмутительныхъ сценъ, которыя могутъ развратить неиспорченную еще натуру ребенка, и толкнуть его на ту торную дорогу взяточничества и крючкотворства, по которой идутъ многіе и многіе; особенно она привлекательна для вышедшихъ изъ народа, какъ средство показать осязательно свое преимущество предъ неграмотными или неслужащими собратьями. Вотъ что сказалъ мнѣ одинъ здѣшній мѣщанинъ, когда я спросилъ, почему онъ не посылаетъ своего сына въ воскресную школу: »Та на—що ёму туді ходіть? Отъ, менѣ бѣтько навчівъ трѣхи читать и підписатись, и я ёго навчѹ; а то якъ бѣде тамъ вчитьця, то й бѣде такъ, якъ N, що съ пірцѣмъ ходить, та ябеди за чвѣртку горілки пише; або отъ X., такий самій. Нехай лѹчче колѣса рѣбать!»

Извините за отступленіе. Перехожу къ преподаванію въ Лисовицкой школѣ. Прежде въ ней преподавалъ одинъ приходскій священникъ, но съ 1 января прошлаго года приглашенъ имъ еще другой преподаватель, изъ жителей того же селенія (однако не крестьянинъ, — сохрани Богъ)! Этого—то преподавателя я засталъ въ школѣ и наблюдалъ методу его преподаванія.

Преподаваніе начинается съ *церковно-славянской* азбуки, а не съ русской, не говоря ужъ о народной, южнорусской! Это общій недостатокъ почти всѣхъ школъ, открытыхъ при церквяхъ, хотя учредители школы считаютъ это достоинствомъ. Къ—чему дитяти всѣ эти титла, азы, буки, и т. п? Развѣ, чтобы вспоминать потомъ: »азъ—были въ школѣ неразъ; бѹки—набрѣвся у школѣ мѹки?» Поистинѣ—мука, а не наука! Не въ дьячки же приготавливаютъ всѣхъ ихъ, а встрѣтитъ ли надобность въ церковно—славянской грамотѣ въ обыденной жизни—

это сомнительно, между тѣмъ набиваютъ голову ребенка совершенно непонятными ему словами и названіями, приучаютъ его къ машинальному зубренію, безъ всякаго участія ума и воображенія, и тѣмъ-самимъ не развиваютъ, а останавливаютъ развитіе ребенка, — и это называется ученіемъ! Прости имъ, Господи: не вѣдать бо, что творять!

Въ числѣ наказаній (не понимаю, къ чему наказанія въ первоначальной школѣ?), непоследнее мѣсто, разумѣется, занимаетъ березовая каша. Первое слово, которое услышалъ я, входя въ школу, было «а розга!»

Къ-сожалѣнію, я опоздалъ уже на урокъ дѣвочекъ, и потому не могу ничего сказать о нихъ.

Кромѣ чтенія, въ школѣ «обучаютъ» писемъ и ариметикѣ; «знаніе ариметики покажется ограничивается умѣньемъ писать цифры, а нѣкоторые и пишутъ кое-какъ.

Впрочемъ, всѣ эти свѣдѣнія имѣли бы иное значеніе, если бы было извѣстно, кто съ какого времени ходитъ въ школу; тогда можно бы видѣть успѣхъ *сравнительно съ временемъ* ученія, по подобныхъ свѣдѣній въ школѣ не имѣется.

Чтожь за причины такого неудовлетворительнаго состоянія этой школы и сельскихъ школъ вообще? На это одинъ отвѣтъ: *неудовлетворительное образованіе сельскаго духовенства и недостатокъ матеріальныхъ средствъ школъ*. О первой изъ этихъ причинъ я говорилъ въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, (*) въ слѣдующемъ скажу о другой.

II.

(29 мая 1862.)

Въ прошломъ письмѣ (отъ 1 мая) я писалъ о приходской школѣ въ с. Лисовичахъ и обѣщалъ поговорить о вредѣ, происходящемъ отъ недостатка матеріальныхъ средствъ въ школахъ и влияніи этого на преподаваніе. Исполняю обѣщанное.

Можетъ показаться съ перваго взгляда страннымъ, что я приписываю недостатку средствъ влияніе даже на преподаваніе, но влияніе это выказывается очень осязательнымъ образомъ: кто согласится за-

(*) Объ этомъ не могло быть напечатано—по обстоятельствамъ. *Ред.*

ниматься въ школі *отъ пяти часовъ утра до шести часовъ вечера* (пишу прописью, чтобы вы не сочли за описку) за вознагражденіе *шести руб. ср. въ мѣсяцъ*, кромѣ такого преподавателя, который будетъ заставлятъ выучивать наизусть разную чепуху? Человѣку, желающему заняться какъ слѣдуетъ, не достало бы силъ.

Но это еще не главное; важнѣе всего то, что народъ смотритъ на школу, какъ на новое, мало-полезное, учрежденіе, требующее у него, — подобно многимъ другимъ новымъ учрежденіямъ, — денегъ; притомъ, происходящій отсюда налогъ на жителей падаетъ неравномѣрно, ни по состоянію ихъ, ни по пользѣ, которую приноситъ школа каждому изъ нихъ непосредственно. Деньги на содержаніе школы собираются, по раскладкѣ, съ душъ; одинъ имѣетъ одного сына, другой пятерыхъ, — а платятъ одинаково; первый богатъ, второй бѣденъ, — но тотъ и другой платятъ по ровну; сынъ перваго ходитъ въ школу, а дѣти втораго должны помогать отцу работать, потому что иначе не чего будетъ ѣсть, — все-таки они платятъ одинаково. Едва ли это равномѣрно. Но чѣмъ же замѣнить такой способъ содержанія школы? Взамѣнъ его можно предложить нѣсколько иныхъ: напримѣръ, плату за право ученія, всеобщій новый налогъ, обращеніе къ помощи частныхъ лицъ и, наконецъ, содержаніе отъ правительства. Разсмотримъ вкратцѣ каждый способъ.

Плата за право ученія, хотя сдѣлала бы налогъ пропорціональнымъ прямой пользѣ, приносимой школою каждому, но имѣетъ другое неудобство: народъ не настолько еще призналъ необходимость образованія, чтобы платить за него послѣдню копейку, если его къ этому не обязываютъ. Отсюда, конечно, число учениковъ уменьшится вдругъ, и будетъ потомъ уменьшаться постоянно, по очень-простой причинѣ: положимъ, что для содержанія школы, въ которой учится 100 учениковъ, необходимо только 100 р. с. ежегодно; слѣдовательно, всякому придется платить по 1 р. Но многіе предпочтутъ вовсе ничего не платить, не посылая дѣтей въ школу; положимъ, что такихъ наберется человѣкъ двадцать. Въ школѣ останется такимъ — образомъ вмѣсто 100 только 80 учениковъ, а расходы на школу (жалованье учителю, помѣщеніе, отопленіе и т. п.) едва ли можно уменьшить въ той же пропорціи; поэтому, каждому изъ оставшихся 80 учениковъ придется платить уже не рубль, а больше; отъ этого опять уменьшится число учениковъ, опять увеличится плата, и т. д. до того, что, пожалуй, никто не пойдетъ въ школу.

Всеобщій налогъ тоже не устранилъ неравномѣрности нынѣшняго, частнаго; иной скажетъ:—за что я буду платить, когда я не нуждаюсь въ школѣ?—и онъ будетъ отчасти правъ.

Къ частной благотворительности обращаться также нечего: мало-ли мы видѣли примѣровъ заботливости нашего общества объ образованіи народа? Слава Богу, что оно хоть воскресныя школы содержитъ: будетъ съ него покамѣсть!

Остается затѣмъ назначить содержаніе отъ правительства, изъ тѣхъ средствъ, которыя оно имѣетъ или можетъ имѣть, не отягощая народа новыми налогами. Что оно можетъ имѣть ихъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Какое употребленіе дѣлается изъ богатствъ, принадлежащихъ богатымъ церквамъ и монастырямъ? — Ровно никакого. А на чтоже лучше употребить ихъ какъ не на народное образованіе? Считаемо лишнимъ развить эту мысль, чтобы не навлечь на себя обвиненія въ святотатствѣ.

Весьма значительныя суммы эти принадлежатъ *монастырямъ*. Что должно понимать подъ словомъ «церковь?»: домъ-ли, назначенный для богослуженія, или общество вѣрующихъ? Я думаю, что послѣднее: можетъ-ли что-нибудь принадлежать *дому*, т. е., вещи, чему-то неодушевленному? Значить, деньги эти принадлежатъ обществу. Хорошо. Имѣетъ-ли общество право употребить на свою, т. е., общую пользу то, что принадлежитъ ему?—Очевидно, имѣетъ. Какое же лучшее употребленіе можно сдѣлать изъ этихъ денегъ, какъ не на образованіе народа?—Никакого. Я думаю, что противъ этого никто не станетъ спорить. Вѣдь въ чѣмъ заключается истинная польза и богатство церкви? Конечно, не въ томъ, чтобы въ церковныхъ кладовыхъ лежало какъ-можно больше денегъ; не въ томъ, чтобы иконы были въ золотыхъ окладахъ, осыпанныхъ алмазами и жемчугомъ, не въ томъ, чтобы парадныя одежды высшаго духовенства стоили сотни тысячъ, а въ томъ, чтобы всѣ, составляющіе церковь, были возможно богаче богатствомъ духовнымъ, «его же тати не крадутъ, и тля не истлѣваетъ».... Разумѣется, изъ этого не слѣдуетъ заключать, что духовенство должно, по-философски, *omnia sua secum portare*, нѣтъ, пусть употребятъ на школы только лишнее изъ церковнаго, особенно монастырскаго, имущества—и того будетъ довольно. (*)

(*) Для примѣра, возьмемъ Кіевскую Печерскую Лавру.—По недавно—обнародованнымъ свѣдѣніямъ, въ прошломъ году было въ ней 133,000 богомольцевъ. —

Кромѣ содержанія школъ, изъ этихъ денегъ должны непременно даваться ученикамъ бесплатно всѣ учебныя пособія.

Во всякомъ же случаѣ, необходимо, чтобы народныя школы перешли въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія: для всякаго челоука необходимо сперва общее образованіе, а спеціальное послѣ; между тѣмъ, всѣ народныя школы, находясь въ вѣдѣніи духовенства, болѣе или менѣе несутъ слѣды семинарщины, что не только излишне, но и очень вредно. Притомъ, есть много и другихъ причинъ, препятствующихъ духовенству заняться этимъ дѣломъ.

Пока довольно.—О крестьянскомъ дѣлѣ не напишу теперь ничего: ходъ его видѣн изъ того, что у насъ на каждомъ шагу встрѣтишь донскаго козака... Впрочемъ, напишу что знаю. То, напримѣръ, что пишутъ въ «*Gazecie Polskiej*» о событіяхъ въ имѣніи Воронцова—Мошнахъ и Старосельѣ, — ложь безсовѣстная.

ИЗЪ ХАРЬКОВА.

I.

(1 мая 1862 г.)

Обыкновенное явленіе весенняго времени въ Харьковѣ составляетъ движеніе крестьянъ изъ Курской губ. черезъ Харьковъ на Югъ, преимущественно на *Донъ* и въ *Черноморію* для лѣтнихъ заработковъ. Каждую весну, обстѣивъ свои маломѣрные клыны, крестьяне, казенные и, частью, временно-обязанные украинцы южныхъ и западныхъ малоземельныхъ уѣздовъ Курской г. составляютъ партіи или артели, и длинными обозами (потому что каждый имѣетъ свою телегу съ лошадыю, нагруженную походнымъ скарбомъ) ѣдутъ въ Черноморію и на Донъ, гдѣ пользуются хорошею заробочею платою при кошовицѣ и житвѣ и возвращаются домой еще во-время—къ уборкѣ своего поля.

Въ апрѣлѣ приходятъ въ Харьковъ артели рабочихъ изъ среднихъ великорусскихъ губ.: каменщики, штукатуры, печники, плотники и проч. На этихъ рабочихъ въ Х. всегда большое требованіе. Харьковъ обуяла какая-то *манія* строиться: ее нельзя приписать обилію денегъ (и нашъ городъ не избѣгъ безденежья,) а скорѣе развившейся у насъ въ послѣдніе годы страсти къ наживѣ и аферамъ. Пос-

тройки производить большею частию въ долгъ, подъ залогъ тѣхъ же мѣстъ и будущихъ домовъ. Нѣтъ ни одной улицы и переулка, гдѣ бы не было огороженного на улицѣ мѣста, не возводилась постройка, и не лежала куча кирпича и мусора. У насъ всѣ постройки выводятъ изъ кирпича, потому что лѣсъ гораздо дороже. Такъ-какъ всѣ они строятся для наживы, то, отдѣлавши на-скоро внутри, домохозяева стараются отдать въ наемъ жильцамъ, домъ сырой, невысохшій, не заботясь о наружной его отдѣлкѣ; множество домовъ, построенныхъ въ послѣдніе годы (почти всѣ), стоятъ красные, нештукатуренные, чрезъ-что обнаженный кирпичъ втягиваетъ въ себя наружную сырость и распространяетъ ее по всему зданію. Объ устройствѣ панелей и мостовой домохозяева вовсе не заботятся.

Въ Харьковѣ и окрестностяхъ открылись уже и гулянья въ садахъ, устраиваемыя предпринимателями съ платою за входъ, конечно, не менѣе 25 и 30 к. ср., что при настоящей дороговизнѣ очень ощутительно. Но положимъ, эти сады частные, которыми всякъ можетъ распоряжаться, какъ ему угодно. Но, жаль подумать, что единственный городской, публичный — *университетскій*, въ который, съ основанія его, памятнаго еще здѣшнимъ старожиламъ, всегда былъ свободный входъ, отдается уже 2 или 3 года университетскимъ начальствомъ на аренду содержателю, который по праздничнымъ и другимъ днямъ недѣли беретъ плату за входъ въ садъ. Въ нынѣшнее дорогое время не всякій, а тѣмъ болѣе недостаточный семейный чиновникъ каждое воскресенье можетъ бросить 30 к. или еще болѣе, и потому онъ и семейство его лишены удовольствія пройтись по саду и подышать чистымъ, свободнымъ отъ пыли, воздухомъ, въ воскресенье, въ свободный для нихъ день недѣли. Единственное поэтому осталось у насъ свободное гулянье за городомъ, въ *Куряжъ*, куда дѣйствительно, впродолженіе всего лѣта ѣздитъ и ходитъ по праздникамъ средній и простой классъ — помолиться Богу, подышать чистымъ воздухомъ, выпить чаю изъ превосходной воды, что все обходится почти безъ всякихъ издержекъ.

II.

(30-го мая 1862 г.)

Съ наступленіемъ лѣта общественная дѣятельность и у насъ пріутихла, но всенедневная суэта продолжается. Городъ нѣсколько опустѣлъ: многіе уѣхали за-границу, въ свои имѣнія, деревни и хутора. Впро-

чемъ, съ приближеніемъ Троицкой ярмарки, городъ снова оживится на время, чтобы потомъ затихнуть окончательно на все лѣто. Главный предметъ торговли на ней составляютъ лошади и овечья шерсть. Вся торговая дѣятельность происходитъ на такъ-называемой *Конной площади*, находящейся на краю города, въ самомъ же городѣ только въ послѣдніе годы стали открывать ярмарочную торговлю въ рядахъ московскіе купцы и евреи. Говорятъ, что на нынѣшней ярмаркѣ мало или вовсе не будетъ привозной шерсти, потому что, по случаю долго стоявшей холодной погоды, запоздали стрижкою овецъ и доставкою шерсти, которая будетъ одна грязная, не перегонъ; о чемъ уже многіе и заявили.

Внутренняя городская жизнь идетъ своимъ чередомъ: строеніе новыхъ и передѣлка жилыхъ домовъ продолжается, хотя и съ меньшею энергіею и поскромнѣе прошлагодняго. Полиція обратила, наконецъ, вниманіе на ветхость тротуаровъ, — и приказомъ полицеймейстера, предписано объявить всѣмъ домовладѣльцамъ о неперемѣнномъ исправленіи ветхихъ тротуаровъ къ августу мѣсяцу, съ тѣмъ, что послѣ этого срока полиція сама займется исправленіемъ ихъ на счетъ домовладѣльцовъ. Но пока приказъ этотъ принятъ только къ свѣдѣнію; объ исполненіи же еще никто изъ домохозяевъ не думаетъ. Доски и вообще строевой матерьялъ въ Харьковѣ дорогъ, по причинѣ огромнаго на него требованія и дороговизнѣ доставки изъ дальнихъ лѣсныхъ дачъ; въ окрестностяхъ всѣ лѣса уже истреблены; плитной камень также дорогъ по трудности его доставки изъ Волчанскаго уѣзда; такъ-что *тротуары* изъ *крѣпкаго жельзняка*, мнѣ кажется, были бы гораздо выгоднѣе, ибо рѣже требуютъ ремонта и противустоятъ непогодѣ и времени.

По предмету народнаго образованія я нынѣ могу сообщить кое-какія извѣстія: такъ получено разрѣшеніе на открытіе въ Харьковѣ *школы для приготовленія сельскихъ учителей*, что, вѣроятно, въ скоромъ времени и осуществится. Образовавшееся въ Харьковѣ *общество для распространенія грамотности* получило изъ М. Н. Пр., чрезъ г. попечителя округа, отвѣтъ на посланный для утвержденія проэктъ устава, что проэктъ не можетъ быть утвержденъ впредь до составленія и утвержденія вообще устава о народномъ образованіи. Почему изъявившіе желаніе участвовать въ обществѣ приглашены собраться 29 числа мая для выслушанія отвѣта Министерства и чтобы вновь ходатайствовать объ утвержденіи устава общества, не дожидаясь утвержденія общаго о народномъ образованіи.

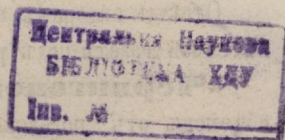
О воскресныхъ школахъ Харькова ничего не слышно; вѣроятно, на лѣто, онѣ закроются, по недосугу преподавателей, кои, будучи большею частью изъ воспитанниковъ гимназій, студентовъ и учителей, заняты экзаменами, по окончаніи которыхъ уѣдутъ на вакаціи; ученики же школъ предпочтутъ проводить свободное время на рѣкѣ въ купаньи и играхъ. Одинъ ревнитель просвѣщенія предложилъ мысль объ открытіи воскресныхъ школъ въ удаленныхъ отъ середины города предмѣстьяхъ Харькова, гдѣ рѣшительно нѣтъ никакихъ частныхъ школъ для простаго народа. При этомъ поднять вопросъ о томъ, существуетъ ли, въ-дѣйствительности, первая мужская воскресная школа, о которой, со времени ея открытія въ 1860 г., ни разу не упомянуто въ мѣстной нашей газетѣ, между тѣмъ какъ о 2-й воскресной и женской школахъ являются по временамъ отчеты?

Еще есть одна новость, весьма важная для насъ Харьковцевъ—это *устройство городскихъ часовъ*. Положительно извѣстно, что Харьковскою Городскою Думою заказаны лучшему парижскому мастеру *башенные часы* за 5000 рублей изъ городскихъ суммъ. Они скоро будутъ доставлены въ Харьковъ и помѣщены на соборной колокольнѣ (самой высокой во всемъ городѣ, 43 саж.), гдѣ для нихъ уже устраивается особая комната; бой будетъ механическій. Это, дѣйствительно, очень полезное дѣло; недостатокъ часовъ давно уже чувствовался, тѣмъ болѣе, что многочисленный классъ людей, опредѣлялъ время только по звону церковному къ обѣднѣ.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о мѣстности Харькова и неудобствѣ купаній. Въ Троицкіе праздники, называемые у насъ на Украинѣ *святою недѣлей*, а въ Россіи—*зеленою недѣлею* и седмикомъ, наступили чрезвычайныя жары, и все мужское населеніе обратилось къ купанью. Къ-сожалѣнію, на обѣихъ нашихъ рѣчкахъ, протекающихъ чрезъ средину города на протяженіи 2—3-хъ верстъ, рѣшительно нѣтъ ни одного сколько-нибудь удобнаго мѣста для купанья, и нѣтъ никого изъ сострадательныхъ и предпримчивыхъ людей, кто бы устроилъ общественныя купальни, или плоты, для раздѣванья; нѣтъ даже и частныхъ купалень; на мѣстахъ, гдѣ купаются, сваливаютъ навозъ, и вода едва протекающая, уже теперь зацвѣла и пахнетъ отвратительно. Тутъ же рядомъ съ купаньемъ стоятъ на берегу тропики бани, и подлѣ нихъ, при домѣ купца Павлова, устроены заводы свѣчной и мыльный и конфектное заведеніе; сточная труба проводитъ отъ нихъ нечистоту въ рѣку къ мѣсту купанья; наконецъ, вмѣстѣ

съ людьми, купаютъ и лошадей, и моютъ бѣлье, и на эти неудобства никто не обращаетъ вниманія. Медико-полицейскія мѣры, предписываемыя закономъ, относительно чистоты города, устройства плотовъ, спуска нечистотъ и проч. исполняются только на бумагѣ и никогда на дѣлѣ. Очевидный образчикъ этого—садикъ, разведенный на городской счетъ, съ большимъ трудомъ и издержками, у подожвы *Университетскаго бульвара*, или *горки*, гдѣ каждый вечеръ собирается погулять и посидѣть публика, нежелающая гулять въ садахъ: садикъ этотъ обратился въ грязное мѣсто, въ сорную кучу, и полиція какъ-будто не видитъ и не знаетъ этого.

Н. Наливайко.

ОБЪ ИЗДАНИИ

«ЧЕРНИГОВСКАГО ЛИСТКА»

въ 1862 году.

Еженедѣльная газета «Черниговскій Листокъ» издается и въ 1862 году, съ *апрѣля мѣсяца*, по прежней программѣ:

I) Отдѣлъ литературный. Небольшіе рассказы, стихотворенія на великорусскомъ и южнорусскомъ языкахъ, путевыя записки, очерки изъ народнаго быта, анекдоты, сцены, юмористическія замѣтки, эпизоды изъ охотничей жизни и т. под.

II) Новости, вѣсти и слухи. Фельетонныя замѣтки о городскихъ новостяхъ, свѣдѣнія о театрѣ, концертахъ и т. под.; вѣсти изъ уѣздовъ Черниговской губерніи, а также и изъ другихъ губерній, но имѣющія повсемѣстный интересъ.

III) Общеполезныя свѣдѣнія. Небольшія статьи по части сельскаго хозяйства, домоводства, промышленности и торговли, популярной медицины, народнаго образованія и т. под.

IV) Библиографическія извѣстія. Краткія замѣтки о книгахъ, имѣющихъ мѣстный интересъ.

V) РАЗНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ: ВЫЗОВЫ, ЗАПРОСЫ И ОТЗВЫ. Сюда войдутъ стороннія объявленія частныхъ лицъ, а также и официальныхъ вѣдомствъ, если таковыя будутъ сообщать.

Цѣль изданія — доставить возможность мѣстнымъ жителямъ имѣть свой печатный органъ общественной жизни и дѣятельности.

По прежнему, мы покорнѣйше просимъ всѣхъ, сочувствующихъ общественной пользѣ, содѣйствовать намъ въ успѣхъ нашего предпріятія. Для отдѣла, подъ рубрикою «Новости, вѣсти и слухи», намъ дорого всякое извѣстіе, интересна даже мимолетная замѣтка о важныхъ происшествіяхъ въ уѣздахъ: несчастіяхъ, пожарахъ, наводненіяхъ, неурожаихъ, падежахъ и т. п.; о состояніи земледѣлія вообще; о замѣчательныхъ явленіяхъ въ жизни общественной, о забавныхъ приключеніяхъ, толкахъ, слухахъ и т. п.

Отвѣты авторамъ статей, намъ присланныхъ, будутъ печататься въ самой газетѣ подъ рубрикою «Отвѣты редакціи **Листва**».

«**Черниговскій Листокъ**» выходитъ разъ въ недѣлю, объемомъ отъ половины до одного печатнаго листка въ четвертую долю средней величины.

Цѣна «**Черниговскаго Листва**» въ 1862 году, съ пересылкою по почтѣ 4 руб. сер.

Иногородные подписчики благоволятъ адресовать свои требованія просто: въ Черниговъ, въ редакцію газеты «**Черниговскій Листокъ**».

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: Редактору «**Черниговскаго Листва**», Леониду Ивановичу Глбзову, въ Черниговѣ, въ зданіи пансіона при гимназій.

NB. За объявленія для напечатанія въ «**Листвѣ**» плата полагается слѣдующая: не болѣе пяти строкъ (или не болѣе 175 буквъ) — 10 коп. сер., не болѣе десяти — 15 коп., не болѣе 15 — 25 коп., не болѣе двадцати — 30 коп., не болѣе двадцати-пяти — 40 коп., не болѣе тридцати — 50 коп., не болѣе сорока — 75 коп., не болѣе пятидесяти — 1 руб. сер., за троекратное припечатаніе объявленій первыхъ шести разрядовъ плата удваивается, а двухъ послѣднихъ — приравнивается къ означенной цѣнѣ 50 коп. сер.

Редакторъ Л. Глбзовъ.

Въ книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова и у другихъ книгопродавцевъ, поступили въ продажу:

I.

ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ,

Н. И. КОСТОМАРОВА,

составленныя и изданныя П. Гайдебуровымъ. СПБ. 1862 г.

Выпускъ первый. Содержаніе: Вступительная лекція; Лѣтописи; Лѣтопись, приписываемая Нестору; Кіевская лѣтопись; Галицко-Волынская лѣтопись; Густинская лѣтопись; Бѣлорусскія лѣтописи; Новгородскія лѣтописи; Пековская лѣтопись; Важская лѣтопись; Суздальская лѣтопись; Софійскій Временникъ; Вторая Софійская лѣтопись; Воскресенскій Сборникъ.—Составъ Русскихъ лѣтописей.

Цѣна **50 в. ср.** безъ пересылки.

II.

Сочиненія Н. П. Котляревскаго:

1) ЭНЕИДА,

2) НАТАЛКА-ПОЛТАВКА,

и 3) МОСКАЛЬ-ЧАРІВНИКЪ.

Цѣна **1 р. ср.**

Оперетты «Наталка—Полтавка» и «Москаль-Чарівникъ» продаются и отдѣльно по **25 в. ср.** каждая.

16/81

БІБЛІОТЕКА

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 5-й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Ажъ — ажно; какъ (союзъ).

Бадѣритись — бодриться, бойко идти.

Базікати — болтать, точить.

Бѣлка — естественная долина въ степи; оврагъ.

Баріло — боченокъ.

Березозѣль — маргъ.

Блѣйвасъ — балбесъ.

Бодѣй! — чтобъ!

Бѣжа дорога — (вѣць на Божій дорозі) — онъ близокъ къ смерти, — умирающій.

Борошно — мука.

Бойринъ — шаферъ.

Бровенѣта — (уменьш.) — брови.

Вѣлахъ — выкладенный баранъ.

Валашѣти — выкладывать, холостить барановъ.

Вѣрмія — армія.

Ввишъ — вышиною.

Вгамовѣти — утишить, успокоить.

Вгамувѣтись — притихнуть; успокоиться.

Вгомонѣти — уговорить, успокоить.

Велікдень — Свѣтлый праздникъ.

Верхівья — вершина дерева.

Вігоіти — вылечить.

Визеруки — рисунки.

Вілаяти — выругать, выбрать.

Вімантачити — выманить; выкапывать.

Віпручатись — вырваться; высвободиться.

Виринѣти — всплывать на поверхность воды.

Височѣнный — очень высокій.

Витівѣти — затѣвать, выдумывать.

Вішкварка — (перепоси.) выжига.

Вівця — овца.

Вітрякъ — вѣтряная мельница.

Вмовѣти — уговаривать.

Вѣвняний — шерстяной.

Вовтузѣтись — возиться.

Ворухѣтись — вертѣться, шевелиться.

Впорѣтись — управиться съ хозяйствомъ, съ дѣломъ.

Внѣять — опять.

Вранці — поутру.

Врівні — вѣ-уровень.

Вчѣдіти — угорѣть.

Ганбувѣти — пренебрегать; безечствовать.

Ганка, Гашка — Агафья.

Гарчѣти — рычать.

Гафгъ — шитье, преимущественно золотомъ.

Генъ — генъ! — геть — геть! — тамъ — тамъ.

Геть! — поди прочь!

Глѣкъ — кувшинъ.

Годѣщій — годный.

Гоіти — лечить.

Горіпвѣтъ — *Adonis vernalis*, L. u *Viscaria vularis*, Röhl.

Горіще — чердакъ, вышка.

Горѣлецъ — маленькій огорожокъ.

Дванадцѣть — двѣнадцать.

Двічі — дважды.

Дереза — полевое колючее растение, изъ котораго дѣлаются вѣники.

Дѣръ — крупно-смолотая мука.

Діжечка — кадошка.

Дме — дуетъ.
Довгий — долгій, длинный.
Дратувати — дразнить.
Дрібязокъ — мелочи.

Житне борошно — ржаная мука.
Жовчъ — желчь.
Жоденъ — жаждый.

Заввишки — вышиною.
Загагати — заготовать.
Загати — запрудить.
Задріпанка — замазашка, съ запачканнымъ подоломъ.

Зажирливый — жадный.
Заквічатись — убрать голову цвѣтами.

Замайчити — показаться вдалекѣ.
Замігати — заносить снѣгомъ.
Замігъ — наносъ снѣгу; сугробъ.
Занедужати — заболѣть.
Запѣкуватий — злой, закоренѣлый.
Заприсягсь — поклялся.
Зарання — заранѣе.
Заскреготати — заскрежетать (зубами.)

Затѣнъ — зарубка.
Затишокъ — затишье.
Затипати — затынуть, напѣвать.
Зѣхидъ — закаты солнца.
Зѣхистъ — защита отъ холоду, отъ вѣтру, — затишье.

Захищатись — спрятаться, защищаться (отъ холода, отъ бури, дождя.)

Заялозеній — засаженный.
Займати — задывать; затрогивать.
Зберегти — зберечь.
Зве — зоветь.

Здатись — пригодиться, понадобиться.

Здірця — взяточникъ; обдирало.
Змагливий — спорливый, упрямый.
Зпенячка — нечаянно, неожиданно.
Знущатись — издѣваться.

Заходжуватись — начинать, приступать.

Зполохатись — испугаться, встревожиться.

Зуздрити — увидать, примѣтить.

Извивати — свивать, завивать.

Изнівичити — измять, испортить, изуродовать.

Казавъ — говорилъ.

Казитись — бѣситься.

Калюжа — лужа.

Кѣзна-що! — чортъ (каты) знаетъ что.

Карбóваний — наръзанный.
Квітень — апрѣль.
Кипнемъ (спарити) — кипяткомъ обварить.

Кишло — обжитое мѣсто; гнѣздо.

Кілько — цѣсколько.

Кітна вівця — овца — родильница.

Клѣптикъ — кусочекъ; лоскутокъ.

Клейнити — клеймить.

Клейно — клеимо.

Клѣтий — (бранн.) — проклятый.

Коване слово — стихи.

Колихати — качать (колыбель).

Колода — значительная часть стада овецъ.

Коломѣрчикъ — чернилиця.

Коміръ — воротникъ.

Копань, копанка — выкопанный колодезь безъ сруба.

Копіця — кошна.

Коржъ — лепешка.

Користъ — польза, выгода.

Корписати — корпаться, ковырять.

Кострубатий — взерошенный; сердитый.

Коштувати — стоить, цѣниться; отвѣдать; пробовать (о пищѣ и питьѣ).

Кривдити — поступать криво, несправедливо, съ кѣмъ; обижать.

Крихта — крошка.

Кротовина — кучка земли взрытая кротомъ.

Курево — дымъ, виміамъ.

Курить — дымить.

Куль — снопы (о камышѣ, соломѣ).

Кура — буря; мятель.

Курѣникъ — (умен. — курінь) — шалашъ.

Курнікати — тихо пѣть.

Кушъ, кущанка — небольшая кучка овецъ.

Курява — дорожная пыль.

Лугъ — лѣсъ.

Манатте — тряпки — платье.

Маючи звичай — соблюдая приличіе.

Майстеръ — мастеръ.

Метѣлиця — мятель.

Мізкатись — ласкаться, любезничать.

Миршавий — дрянной, невзрачный.

Мо — (отъ може) — можетъ — быть.

Молошніша (вівця) — имѣющая больше молока.

Мотлятись — мотаться.

Мотѣрний — проворный, живой.

Мотузочка — тоненькая веревочка; бичовка.

М'ясниця — мясофдъ.

М'яси́во — мясá.

Надбілшати — сдѣлаться болѣе; подрости.

Надокучати — надоѣдать, наску-
чать.

Накітчата — только-что родившіяся
ягнята.

Напахатись — пропитаться (духомъ);
набраться (запаху).

На-провесні — при наступленіи
весны.

Нараяти — присовѣтовать.

Настачити — припасти, наготовить.

Настілникъ — скатерть.

Натякнути — напомянуть; наемкнуть.

Нацапати — нащупать.

Наймитчукъ — нанятой работникъ.

Недовіркувато — недовѣрчиво.

Незгодні — невыгодно; несогласно.

Не-переливки — (переносн.) — не
шутки.

Ни-відь-що — Богъ-знаетъ что; не-
лѣпица.

Низькорослий — малорослый.

Ночви — корыто, лотокъ.

Нужа — (переносн.) — нечистыя насѣ-
комыя, нападающія на человѣка и скотъ.

Обераетця — избирается.

Обкіт — время, въ которое овцы ро-
дять.

Одбуча — отбыванье.

Одвітувати — отвѣчать.

Одіспати — (овець) — проспаты
(овець), такъ что они разбредутся.

Одказати — отвѣтить.

Одмовлятись — отказываться.

Одужати — выздороветь.

Одчипітись — отвязаться; отстать.

Огороджа — ограда; городьба.

Окорінки — корни.

Окрімний — отдѣльный; особый.

Олія — постное масло.

Опинітись — очутиться.

Осіковий — осиновый.

Оскубти — ошипать, оборвать.

Осмішкуватись — усмѣхаться.

Особе — особо.

Особне — отдѣльно, особнякомъ.

Ось — вотъ.

Одкараскатись — отдѣлаться, от-
биться, отпѣниться.

Отрушуватись — отряхиваться.

Оханутись — опомниться.

Паламарка — жена пономаря.

Палічча — (мнж.) — палки.

Півно — вѣрно.

Пелена — передняя часть рубахи,

платья, приподнятая такъ, чтобъ поло-
жить въ нее что-нибудь.

Пенякуватий — упрямый, своенрав-
ный.

Перевергати — переворачивать.

Підпалити — поджечь.

Підпасачъ — помощникъ пастуха.

Підстрибувати — подскакивать; под-
прыгивать.

Піка — рожа (лицо).

Пилнувати — наблюдать, присталь-
но смотрѣть; стараться.

Плигати — прыгать.

Плигнути — прыгнуть.

Площикъ — оконечность стрѣлы.

Плякатыця — кормить маткѣ дитя
(объ овцахъ).

Плямкати — издавать звукъ губами
при ѣдѣ.

Повзъ — подлѣ, мимо, близъ.

Позначитись — обозначиться, сдѣ-
латься замѣтнымъ.

Пожежа — пожаръ.

Покізь — пока, покуда, покаместъ.

Полювання — охота.

Помарніти — похудѣть, подурить,
постарѣть.

Помість — деревянный полъ.

Попереду — прежде, впереди.

Пораяти — посоветовать.

Поринати — нырять; утопать.

Поробнути — шибко уйти; разбѣ-
жаться въ разныя стороны; розсыпаться.

Породілля — только-что родившая
женщина.

Порський — прыткій, дикий, пугли-
вый.

Порядкувати — распоряжаться,
устроить.

Послухний — послушный.

Потѣза — добыча; истребленіе.

Поти — до-тѣхъ-поръ.

Потілиця — затылокъ.

Потопи — толкотня; тѣснота; тол-
пой

Потоптомъ (йти) — одинъ другого
топтать.

Почеречно — поочередно.

Пріся — Афросинья.

Приблуда — прилюдная скотина;
бродяга.

Пригадати — припомнить.

Пригрівъ — жаръ солнца.

Призоръ — присмотръ.

Пристановище — пристанище.

Прихілище — пріютъ, пристанище.

Причиста — праздникъ (Богородич-
ный) Успенія.

Пришви — головки къ старымъ го-
ленищамъ.

Прогавля́тись — промѣшкать.
Прокрѣнь — растеніе.
Прѣсвітокъ — мишѣ прѣсвітку не-
маѣ — отрады, покоя, свободы нѣтъ.
Простроми́ти — проткнуть.
Простува́ти — прямо идти.
Простягнѣ́сь — протянуться.
Пужа́рь — пожаръ.
Пустова́ти — шалить.
Пу́чки — пальцы.
Подоба́тись — поправиться.
Поеди́тись — сойтись, согласиться
другъ съ другомъ; жениться.

Рѣгі́тъ — хохотъ.
Рибальство — рыболовство.
Рѣховка — желѣзное кольцо на де-
ревишкѣ.
Рѣвець — небольшая канавка.
Рѣздо — Рождество.
Рѣмний — равный.
Рѣчки — (мнж.) рѣки.
Роздивля́тись — всматриваться.
Розгуби́ти — растерять.
Рѣзми́ръ — война, вражда.
Рѣзчѣвати — смекнуть, понять,
раскусить, разобрать въ чемъ дѣло.
Рѣстѣна — растеніе.
Руша́ти — трогаться съ мѣста.
Рушѣти — тронуть съ мѣста, по-
тѣхать.
Рушні́къ — полотенце.

Самотні́й — одинокій, уединенный.
Свино́та — (сбир.) — свиньи.
Свідокъ — свѣдѣніе; свидѣтельство,
свидѣтель.
Серде́га — бѣдняга.
Си́ній ка́мень — купоросъ.
Си́риця — сыромятная кожа.
Скоти́на (сбир.) — рогатый скотъ.
Сно́зи — поперечныя связи 4-хъ жер-
дей, составляющихъ осто́въ плетеной
трубы.
Сопі́лка — дудка, свирѣль.
Спа́шь — потрава хлѣба на корню.
Спѣва́чка — пѣвица.
Спѣ́кати — встрѣтить.
Спра́ва — дѣло.
Спро́можность — возможность.
Спускъ — овецъ съ баранами.
Срі́блѣ — серебро.
Сте́ха — Степанида.

Сто́вбула — (ста́ти) — вверхъ ногами.
Сто́рчъ — стоймя; головой внизъ.
Стрива́ти — погодить; обождать.
Стя́га — полоса.

Ти́рлува́тись — останавливаться на
ночлегъ съ стадомъ овецъ.
Ти́чь (сущевит.) — течь.
У-де́нь — днемъ.
Умо́ва — уговоръ условіе.

Фигрува́ти — фигурировать.

Ха́лява — голенище.
Харі́та — Харитина.
Хми́зь — мелкія прутья, хворостъ.
Ходито́ньки — хо́дусе́ньки — (дѣт-
ское, уменьшит.) — ходить.
Храмѣ́та — болѣзнь, отъ которой
хромае́тъ скотъ.
Хру́мати — хрустѣть.
Ху́га — мятель.

Ца́пъ — козель.
Ци́ндрити — матать: расточать.
Ці́по́къ — палка.
Цу́ций — щенокъ.

Ча́стувати — угощать.
Черва́ — (сбир.) — червь.
Черева́тий — брюхатый.
Четвероу́гло́вий — четырехъ-
угольный.

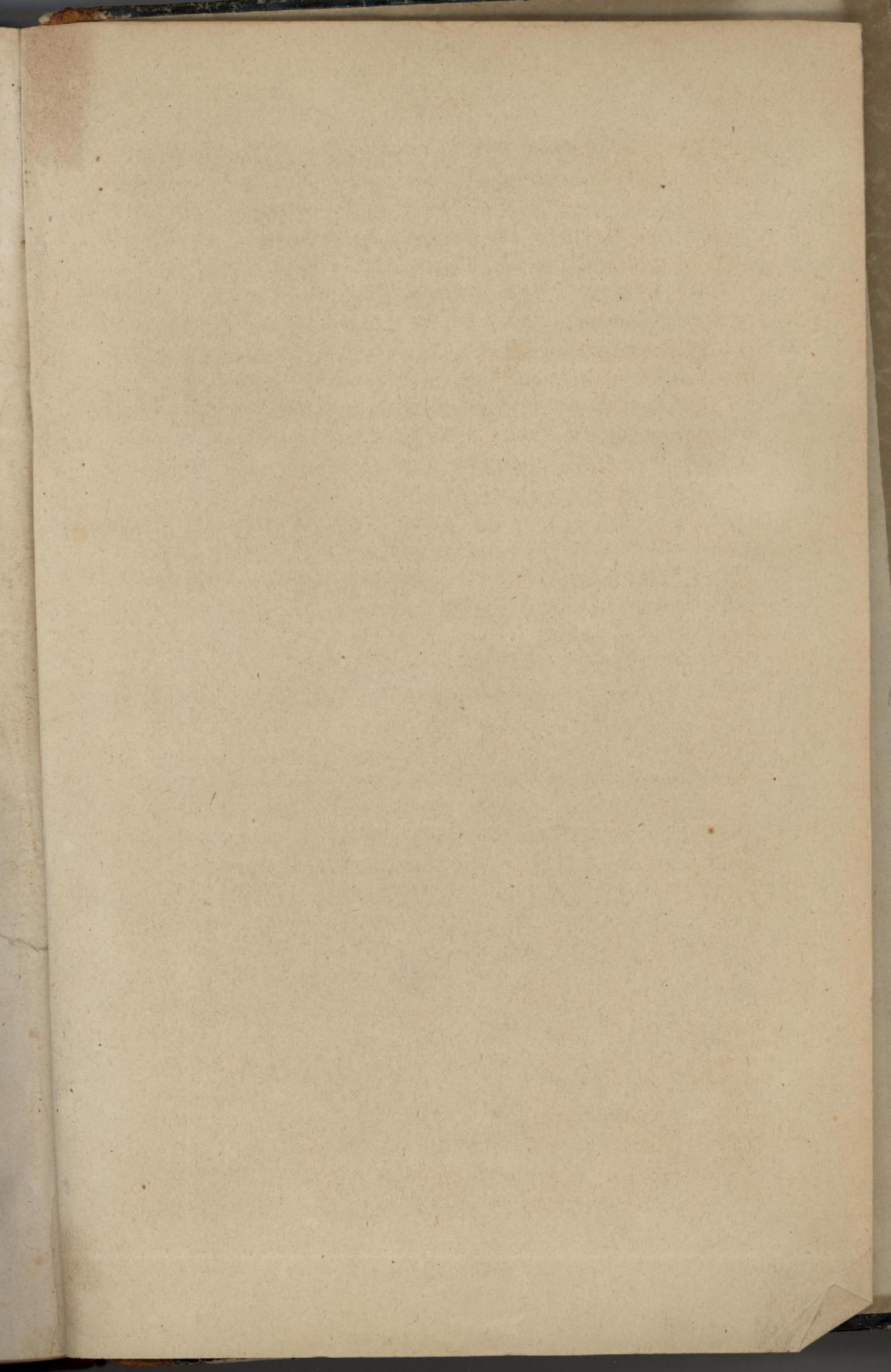
Четве́ръ — четвертокъ.
Чимчи́кувати — идти, пробираться.
Чѣве́нь — челнокъ.

Ши́бениця — висѣлица.
Ши́ръ — ширь, ширина.
Шлю́бъ — вѣчанье.
Шматѣ́къ — небольшая часть стада
овецъ.
Шта́лътъ — образецъ, сносѣбъ.
Шука́ти — искать.

Щерба́ — остатки ухъ.
Щѣ́лицъ — челюсть.
Щика́вица — трава.
Щодѣ́нно — ежедневно.

Я́лова (вѣвця) — овца, не имѣющая
приплоду.

Обьясненіе къ рисункамъ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ», Л. М.
Жемчужникова, отлагается, за отсутствіемъ его, до слѣдующей книжки.
Самые рисунки — кому слѣдуетъ — прилагаются.

you